

Резкий, настойчивый стук в дверь нарушил тишину спальни.

Лу Чжаньбай разозлился, но не отстранился. Проигнорировав помеху, он продолжал исступлённо целовать Ли Шэнъаня, сминая его влажные губы.

Стук повторился — на этот раз быстрее и громче.

Чжаньбай с неохотой поднял голову, резко развернулся и рывкнул в сторону двери:

— Какого чёрта там надо?!

Ответа не последовало, но грохот сделался совсем неистовым. Терпение Чжаньбая лопнуло. Поднявшись, он в несколько размашистых шагов пересёк комнату и рванул на себя створку, готовый спустить шкуру с наглеца, однако осёкся: на пороге стояла его сестра, Лу Чжаньлань.

— Что случилось? — буркнул он, пытаясь скрыть замешательство.

— Брат, ты чем тут занят? — Чжаньлань попыталась заглянуть ему за плечо, но Лу Чжаньбай мгновенно перекрыл дверной проём всем телом. — Дедушка приехал! Он ищет тебя повсюду, уже поднимается наверх. А твои идиоты-телохранители меня даже пускать не хотели!

— Что?!

Лу Чжаньбай побледнел. Если дедушка поднимется сюда и увидит то, что происходит в комнате, последствия будут катастрофическими. Забыв и о Ли Шэнъане, и о сестре, он бросился мимо неё к лестнице и скрылся из виду в считанные секунды.

Странное поведение брата и нервозность охраны лишь укрепили подозрения Чжаньлань. В этой комнате явно происходило что-то неладное. Поколебавшись мгновение, она переступила порог.

Внутри горел яркий свет. Первым, на что упал её взгляд, был высокий, стройный мужчина, лежавший на диване спиной к ней. Он сжался в комок, подтянув колени к груди.

Его била крупная дрожь — то ли от лихорадки, то ли от жестоких побоев. Осторожно приблизившись, Чжаньлань всмотрелась в его лицо и потрясённо ахнула.

— Шэнъань?! Господи, как ты здесь оказался? Что с тобой? — она испуганно склонилась над ним и легонько потрясла за плечо.

Мужчина медленно, словно сквозь тяжёлый бред, повернулся к ней. Чжаньлань увидела его

пугающе багровое лицо, покрытый испариной лоб и шею. Глаза Ли Шэнъяня налились кровью, дыхание было рваным и тяжёлым, а на лице застыла гримаса невыносимой муки.

— Шэнъянь, ответь мне! Что с тобой стряслось? Пожалуйста, скажи хоть слово! — совсем потеряв голову от паники, девушка принялась трясти его сильнее.

Вдруг Шэнъянь словно обезумел. Схватив Чжаньлань за запястье, он с неожиданной, пугающей силой рванул её на себя. Девушка не успела вскрикнуть, как повалилась на его грудь, а в следующий миг он перевернулся, подмяв её под себя и навалившись всем телом.

Не давая ей опомниться, он грубо, с какой-то яростной жадой впился в её губы. Его тело, горячее как огонь, настойчиво прижималось к ней, а пальцы принялись лихорадочно, с треском разрывать на ней одежду.

Избалованная наследница богатого рода никогда не сталкивалась с подобным насилием. Когда шок немного отступил, она осознала всю безвыходность своего положения: Шэнъянь овладевал ей, действуя пугающе яростно и слепо. Не рассуждая, она принялась отчаянно вырываться.

Кое-как отвернув лицо, Чжаньлань разрыдалась:

— Ли Шэнъянь, что ты творишь?! Пусти меня! Прекрати, немедленно прекрати!

Шэнъянь не слышал. Он словно пребывал в угаре, его губы судорожно блуждали по её лицу и шее, а руки рвали ткань платья, обнажая хрупкие плечи. Растрепавшиеся волосы разметались по обивке дивана.

Силы были слишком неравны — он давил на неё всем весом, лишая возможности вздохнуть. Поняв, что сопротивление бесполезно, Чжаньлань зарыдала ещё громче, переходя на беспомощный шёпот:

— Умоляю, не надо... Пожалуйста, Шэнъянь, не делай этого... Отпусти меня, прошу тебя...

Внезапно эти жалобные мольбы словно пробились сквозь пелену его бреда. Ли Шэнъянь замер.

Повернув голову, Чжаньлань взглянула на него. Перед ней было лицо человека, раздавленного безграничным, чёрным отчаянием. В этих глазах застыло такое невыносимое горе, что у неё самой перехватило дыхание. Спустя много лет она всё ещё будет помнить этот взгляд — за всю жизнь она увидит Ли Шэнъяня таким лишь дважды, и оба раза эта бездонная скорбь предназначалась ей одной.

Ли Шэнъянь заговорил — тихо, хрипло, изливая наружу застарелую, кровоточащую боль:

— Ты снова плачешь... Но почему? Мы же обещали друг другу... Обещали больше не проливать слёз. Обещали любить вечно и никогда не расставаться. Зачем ты оставила меня одного? Зачем велела жить дальше? Ты хоть знаешь, как это тяжело? Как невыносимо мне без тебя... Я думаю о тебе каждую секунду. Каждое мгновение мечтаю вот так обнимать тебя. Я думал, ты исчезла насовсем, а ты просто пряталась и тихонько плакала. Я так люблю тебя, слышишь? Больше жизни люблю... Спасибо, что вернулась. Господи, спасибо...

Горячая слеза упала на щеку Чжаньлань. Затем вторая, третья. Он плакал навзрыд, беззвучно, и эти слёзы обжигали её кожу.

Вглядываясь в его затуманенные слезами глаза, Чжаньлань почувствовала, как её собственное сердце сжимается от щемящей нежности. В его зоре смешались безумная любовь, трепет, безграничная мука и детская, отчаянная радость обретения потерянного. Этот мужчина любил так глубоко и преданно, что Чжаньлань внезапно поняла: если бы в её жизни встретился кто-то, способный на такое чувство к ней, она бы без раздумий отдала за него жизнь.

Ей стало невероятно жаль его. Сопротивляться больше не хотелось.

Она медленно подняла руки, обняла его за шею и расслабилась, позволяя увлечь себя.

Почувствовав этот ответный жест, Шэнъань словно обрёл крылья. Он снова прильнул к её губам — теперь нежно, ловя каждый вздох, упиваясь обманчивым счастьем, которое боялся упустить хотя бы на секунду.

Они слились в глубоком, самозабвенном поцелуе. Именно в этот момент в комнату ворвался Лу Чжаньбай. Увиденное поразило его подобно удару грома, мгновенно выжигая остатки разума первобытной, бешеной яростью.

— Ли Шэнъань! Ах ты тварь! — взревел Чжаньбай.

Он с пинка распахнул едва прикрытую дверь, схватил тяжёлую фарфоровую вазу со столика и со всей силы обрушил её на спину Шэнъаня.

Удар пришёлся точно между лопаток. Шэнъань глухо застонал и приподнялся. Осколки со звоном рассыпались по паркету, и на его белоснежной рубашке тут же расплылось багровое пятно крови.

— Брат, не надо! — в ужасе закричала Чжаньлань, видя, как Лу Чжаньбай надвигается на них, тяжело дыша от гнева.

Чжаньбай мёртвой хваткой вцепился в воротник Шэнъаня и швырнул его на пол. Взгляд брата скользнул по разорванной одежде сестры, и это зрелище окончательно лишало его контроля. Он с размаху пнул распростёртого на полу мужчину в грудь, а затем рванул Чжаньлань за

руку, заставляя подняться, и яростно рывкнул ей в лицо:

— Совсем стыд потеряла?!

Слёзы хлынули из глаз Чжаньлань рекой. На полу, скорчившись от боли, хрипел окровавленный Шэнъань, и, забыв о собственном полуобнажённом виде, она рвалась к нему, но Чжаньбай держал её намертво.

— Шэнъань! Шэнъань! — рыдала она, пытаясь вырваться.

Игнорируя её крики, Чжаньбай сорвал с дивана плед, грубо замотал в него сестру и зычно крикнул в коридор.

В комнату тут же влетели четверо телохранителей. Оценив разгром и окровавленного гостя на полу, они застыли, покрываясь холодным потом.

— Связать его! — тяжело дыша, приказал Чжаньбай. — Тащите в ванную и лейте на него ледяную воду. Чтобы из шланга, без остановки! Пока я не вернусь — не смей прекращать!

С этими словами он потащил бьющуюся в истерике сестру к выходу.

— Брат, умоляю, отпусти его! — Чжаньлань цеплялась за дверной косяк, упиралась ногами, захлёбываясь слезами. — Он не виноват! Слышишь? Я сама... я сама этого хотела!

— Заткнись! — рывкнул Чжаньбай и силой выволок её в коридор.

До слуха оставшихся в номере охранников ещё долго доносились её отчаянные, полные боли крики:

— Шэнъань! Шэнъань!..

Один из телохранителей подошёл к лежащему на полу мужчине, который уже едва дышал и медленно терял сознание, и покачал головой:

— Да уж... Что за чертовщина тут творится? И брат, и сестра сегодня словно с ума посходили из-за парня, которого видят первый день...

Лу Чжаньбай вернулся лишь два часа спустя.

В ванной комнате пахло сыростью и кровью. Четверо громил, сменяя друг друга, непрерывно поливали распростёртого на кафеле Шэнъяня из шланга без насадки. Ли Шэнъянь лежал, стянутый по рукам и ногам толстой пеньковой верёвкой, сжавшись в жалкий, мокрый узел. Его голова бессильно упала на грудь, лица не было видно. Он казался безжизненным манекеном, и лишь едва заметная, лихорадочная дрожь выдавала остатки теплившейся в теле жизни. Белая рубашка промокла насквозь; кровь из раны на спине смешалась с холодной водой, окрасив ткань в бледно-розовый цвет, уродливыми разводами расплзавшийся по телу.

— Ну как он? — невыразительным голосом спросил Чжаньбай, глядя на изломанное тело.

— Невероятная живучесть, молодой господин, — отозвался старший из охранников, вытирая пот со лба. — Мы его два часа ледяной водой пытаем, а он хоть бы раз пикнул. Ни стоны, ни попытки вырваться. При этом сознание не теряет, держится на каком-то упрямстве. Железный парень.

Чжаньбай нахмурился. Этот человек раз за разом заставлял его испытывать нечто похожее на благоговение. Неужели он действительно вылит из стали? Два часа назад ярость выжигала Лу Чжаньбаю лёгкие, но сейчас, глядя на поверженного врага, он не чувствовал былой злобы. Напротив — в груди шевельнулось липкое, непривычное чувство вины. Сама мысль об этом заставила его внутренне поморщиться.

— Хватит, — Чжаньбай махнул рукой. — Перекройте воду. Что с его ранами?

Телохранитель послушно закрутил вентиль. Воцарилась тяжёлая, шуршащая тишина, нарушаемая лишь редким стуком капель.

— Рана от вазы неопасная, порез неглубокий, — доложил другой охранник. — Но под напором воды кровь не останавливалась, боялись, что истечёт. Мы наложили временную повязку. Но... — он запнулся, бросив нерешительный взгляд на хозяина.

— Что «но»? — резко спросил Чжаньбай. В его голосе против воли прозвучало искреннее беспокойство.

— У него всё тело в шрамах, — понизив голос, признался телохранитель. — Следы от плетей, глубокие ножевые порезы... и даже пара пулевых. Всё старое, давно затянулось, но выглядит жутко. Будто он через ад прошёл.

Чжаньбай застыл. Утончённый, безупречный интеллектуал Ли Шэнъянь носил под одеждой отметины жестоких пыток и войн. Это не укладывалось в голове.

Откуда взялись эти шрамы? В памяти всплыли безупречные боевые навыки Шэнъяня и его странное знакомство со спутницей гонконгского мафиози, которую они встретили у входа. Неужели он связан с триадами? Нет, бред. Чжаньбай лично проверял его личное дело. Чистейшая биография: приличная семья, отличные оценки в школе и университете,

безупречная карьера после переезда в Шэньчжэнь... Вот только тот загадочный провал длиной в год не давал покоя. Что произошло за те триста шестьдесят пять дней?

— Свободны. Идите отдыхать, — приказал он телохранителям.

— Слушаемся, — хором ответили те, но с места не сдвинулись. Они переглядывались, явно не решаясь сказать что-то важное.

— Что-то ещё? — Лу Чжаньбай недовольно вскинул брови.

— Молодой господин... — старший охранник шагнул вперёд и заговорил тише. — Этот парень смертельно опасен. Держитесь от него подальше. С такими лучше не связываться, целее будете.

— Я услышал. Свободны, — отрезал Чжаньбай, не сводя тяжёлого взгляда со сжавшейся на полу фигуры.

Поняв, что спорить бесполезно, люди молча покинули ванную, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Оставшись наедине с пленником, Чжаньбай опустился на колени у его ног. Он коснулся плеча Шэньаня — кожа была ледяной, словно у мертвеца.

Он принялся развязывать узлы. Грубая пеньковая верёвка глубоко врезалась в плоть, местами содрав кожу до мяса. Разбухшие от воды волокна напитались сукровицей и кровью. Когда путы наконец ослабли, Ли Шэньань болезненно вздрогнул, и судорога вновь сотрясла его измученное тело.

Чжаньбай осторожно перевернул его на спину. От мокрой одежды веяло могильным холодом — ледяная вода зимнего Шэньчжэня остудила тело почти до нулевой температуры. Шэньань лежал неподвижно, с плотно закрытыми глазами. Лицо его осунулось и приобрело мертвенно-серый оттенок. Лишь едва заметное движение побелевших губ говорило о том, что искра жизни в нём ещё не угасла окончательно.

Лу Чжаньбай склонился к самому его уху и заговорил тихим, вкрадчивым шёпотом:

— Знаешь... Ты сегодня меня взбесил. Чертовски взбесил. Ни один враг в мире не доводил меня до такого иступления. Мои люди в один голос твердят, что ты опасен и мне стоит держаться подальше. Пока я шёл сюда, я думал: если ты сдохнешь под шлангом, так тому и быть, я оставлю тебя в покое. Но ты выжил. Обычный человек загнулся бы от такого переохлаждения уже через час, а ты держишься. Скажи мне, как после этого я могу отпустить тебя?

Каждая секунда рядом с тобой, каждый взгляд лишь разжигают моё любопытство. Я хочу

обладать тобой всё сильнее. И плевать, если, придя в себя, ты перережешь мне горло. Я давно уже мёртв внутри. Ты ведь сам сказал: моя жизнь лишена всякого смысла. Мне не за что цепляться в этом мире, всё, что мне было дорого, давно на небесах. А вот ты... ты отчаянно хочешь жить. За что ты цепляешься, Шэнъань? За власть? За деньги, которых у тебя никогда не было? Поверь, получив их, ты станешь лишь несчастнее.

Но этой ночью ты всё равно будешь моим. И даже если завтра на рассвете ты меня убьёшь, я ни на секунду не пожалею об этом по дороге в ад.

<http://bllate.org/book/18227/1752250>